

ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ДИСКУРС-АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ XX СТОЛЕТИЯ)¹

©2022 г. В.А. Иванов

Анализ содержания и стилистики (критический дискурс-анализ – КДА) исследований по истории племен Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века, написанных советскими археологами в течение XX столетия, позволяет дать им определенную оценку. По своей сути они представляют собой историко-археологические дискурсы (высказывания) по социально-экономической истории региона, основанные на довольно ограниченных эмпирических данных. Стоя на позициях марксистской методологии истории (теория социально-экономических формаций) и марксистского понимания историзма, утвердившегося в советской археологии в 30–50-е гг., авторы этих дискурсов недостаточность эмпирики компенсируют методологически выверенной трактовкой археологической эмпирики в контексте формационной теории истории. Итог – неуклонный, монотонно-поступательный процесс разложения у племен Прикамья и Предуралья родового строя в течение всей эпохи раннего железного века.

Ключевые слова: археология, ананьинская, пьяноборская, кара-абызская культуры, историзм, дискурс-анализ, родовой строй, союз племен.

THE HISTORY OF THE POPULATION OF THE URAL-VOLGA REGION DURING THE EARLY IRON AGE (DISCOURSE ANALYSIS OF THE STUDIES IN THE XX CENTURY)²

V.A. Ivanov

The content and stylistics analysis (critical discourse analysis – CDA) of studies on the history of the tribes of the Kama region and the Urals in the Early Iron Age, written by Soviet archaeologists during the XX century, allows us to give them a certain reference. In their essence they are historical and archaeological discourses (statements) on the socio-economic history of the region based on rather limited empirical data. Standing on the positions of the Marxist methodology of history (the theory of socio-economic formations) and the Marxist understanding of historicism, which was established in Soviet archaeology in the 30–50s, the authors of these discourses compensate for the lack of empiricism with a methodologically verified interpretation of archaeological empiricism in the context of the formation theory of history. A steady, monotonously progressive process of decomposition among the tribes of the Kama region and the Urals of the tribal system during the entire epoch of the Early Iron Age is the result of these interpretations.

Keywords: archaeology, the Ananyino, Pyany Bor, Kara-Abyz culture, historicism, discourse-analysis, tribal system, union of tribes.

Любое археологическое исследование – это одновременно и нарратив, и дискурс. Нарратив – поскольку оно базируется на вербальном изложении результатов эмпирических действий автора исследования¹. Дискурс – поскольку археологическое исследование, как правило, завершается этнокультурной, хронологической, функциональной, исторической атрибуцией исследуемого археологического материала². Именно эта, вторая компонента

археологического дискурса чаще всего становится предметом дискуссий между исследователями – *сколько историков, столько историй* (по Р.Дж. Коллингвуду). Такова диалектика исторического познания.

Впрочем, что такое историзм в археологии³, не знает никто: дискуссия по этому поводу, прошедшая в конце 1970-х гг., завершилась безрезультатно (Клейн, 1993). Тем не менее исторические дискурсы являются неотъем-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (грант №22-28-01153: «Критический дискурс анализ (КДА) исследований по древней, средневековой и новой истории Южного Урала»).

2 The article was prepared with the financial support of the Russian scientific foundation (RSF) (grant 22-28-01153: «Critical discourse analysis (CDA) of research on the ancient, medieval and modern history of the Southern Urals»).

лемой частью археологических исследований, в первую очередь обобщающих (История Удмуртии..., 2007; История башкирского народа..., 2009, 2012; и др.). И поскольку эти и подобные им исследования созданы в основном на археологических источниках, для их адекватного понимания и оценки следует иметь в виду, что воссозданные в них картины прошлого представляют собой продукт априорного воображения авторов, определяющего выбор источников, используемых в работе. «Эти источники являются источниками, т. е. им верят только потому, что они обоснованы таким образом» (Коллингвуд, 1980, с. 233).

Однако история советской археологии прошла под знаком историзма, который определялся «не только прагматическим изучением древностей разных эпох, но и решением важнейших исторических проблем: история хозяйства, история социального развития, история религии и искусства, этногенез и миграции древних племен, проблема возникновения государственности, проблема развития античного или средневекового города, история торговли, проблема взаимовлияния культур и т. д.» (Рыбаков, 1978, с. 5). Приведенный тезис выдающегося советского археолога фактически «канонизировал» понимание целей и задач археологической науки, сформировавшееся ещё на начальных этапах истории советской археологии: «С первых же шагов советской археологии историзм был выдвинут как один из ее руководящих методологических принципов. Он понимался как реализация материалистической диалектики применительно к изучению человеческого общества. Общество и его культура стали рассматриваться в закономерном скачкообразном развитии, которое характеризовалось приматом производства. **Археологические памятники стали изучаться как основа для исторических реконструкций и как средство социологического познания прошлого** (здесь и далее выделено мной – *авт.*). Это означало установление неразрывной связи советской археологии с историей и социологией и борьбу с эмпиризмом, с тенденцией ограничить все изучение древних культур вещеведением. В этом широком спектре методологических установок раскрывался принцип историзма» (Клейн, 1993, с. 135).

Одним из первых ярких проявлений историзма советской археологии являются «Очерки по истории европейского северо-востока в эпоху родового общества», опубликованные в 1935 г. А.В. Шмидтом в сборнике «Из исто-

рии родового общества на территории СССР» (Шмидт, 1935). Само название сборника определяло и авторскую концепцию указанного дискурса, состоящего из четырех очерков, в трех из которых автор на примере известного тогда в Волго-Камско-Вятском регионе археологического материала эпохи бронзы – раннего железного века показывает процесс эволюции общественно-производственных отношений у населения региона от матриархата к патриархату. В контексте темы, заявленной в настоящей статье, нас интересует четвертый очерк «Эпоха становления отцовского рода в Волгокамье» (Шмидт, 1935, с. 72–96).

Эмпирическую базу данного очерка составляли материалы памятников «ананьинско-пьяноборской эпохи» (Ананьинского, Зуевского, Котловского могильников на р. Каме, Ройский Шихан, Тихогорского, Свиногорского, Пижемского, Буйского, Аргыжского городищ в Камско-Вятском бассейне)⁴. Методологической основой служила марксистская теория общественно-экономических формаций, изложенная Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Соответственно, и имеющийся в распоряжении А.В. Шмидта археологический материал освещал (а точнее иллюстрировал) заданную схему: во-первых, развитие производительных сил и общественных отношений (укрепление патриархата), в котором основное место занимало скотоводство, о чем свидетельствуют многочисленные находки костей домашних животных на памятниках. Затем – начало производства железных орудий, которые «...как указывал и Энгельс, обусловили значительный рост производительности труда, и этим ростом общество было обязано мужчине» (Шмидт, 1935, с. 77). И далее по схеме: скотоводство (пастухи) и железные орудия стимулировали распад родового строя, усиление патриархальных отношений и появление частной собственности. Частная собственность усиливает товарный обмен: на юге развивается торговля со скифами: «южным привозом в край являлось железо, железные изделия, некоторые бронзовые орудия и украшения, некоторые виды бус и других предметов убранства, напр., бусы так наз. «египетской пасты» (Шмидт, 1935, с. 78).

Скифам «ананьинцы» поставляли меха, на что, по мнению А.В. Шмидта, указывает большое количество костей пушных зверей на городищах. Исходя из не очень большого

количества южных изделий на ананьинских памятниках, автор делает вывод об эксплуататорском характере торгового обмена со стороны скифов, более развитых в социальном плане и имевших уже своих купцов (ссылка на Геродота).

Внутриобщинный обмен в самом ананьинском обществе тоже мог быть эксплуатационным, поскольку «руководство обменом находилось, конечно, в руках родовых старшин и родовой знати, которые, конечно, **не пропускали случая поживиться за счет труда общинников и прибрать к своим рукам львиную долю выгоды** (Шмидт, 1935, с. 81).

Сами же «ананьинцы» эксплуатировали более северные племена (археологически автор их никак не идентифицирует), получая от них пушнину в обмен на бронзовые топоры-кельты. И чем сильнее была эксплуатация, тем меньше собственных изделий «ананьинцы» выставляли на обмен: племена Поветлужья, например, от «ананьинцев» не получали ничего и были более отсталыми в техническом отношении (пользовались каменными орудиями). Зато обитатели Финляндии и Карелии уже осваивали производство кельтов ананьинского типа, образцы которых «ананьинцы» им поставляли, поскольку уже имели собственных мастеров-литейщиков – ремесленников, работавших на удовлетворение потребностей в процессе торгового обмена.

Возникновение частной собственности и рост богатства неизбежно ведет к имущественному и социальному расслоению. Ананьинские могильники – Зуевский и Ананьинский – наглядно подтверждают этот тезис. В Зуевском могильнике А.В. Шмидт выделяет три группы мужских погребений, по количеству сопровождающего инвентаря разделяющиеся на богатые, безынвентарные и «промежуточные». Захороненные в безынвентарных погребениях могли быть патриархальными рабами (по Ф. Энгельсу). Социально-экономические условия для возникновения патриархального рабства у «ананьинцев» были (Шмидт, 1935, с. 92).

Вместе с тем однообразие материальной культуры ананьинских племен А.В. Шмидт трактует «как доказательство относительно тесного объединения ряда отдельных родов Волжско-камского края...» в союз племен (Шмидт, 1935, с. 94).

Итак, фактически А.В. Шмидт составил конспект книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», проиллюстрировав его археологическими

материалами Волго-Камья. Или (что, очевидно, будет точнее) интерпретировал археологический материал с помощью историко-социологической схемы, разработанной Энгельсом на основе книги Л. Моргана «Древнее общество». Хотя сам А.В. Шмидт в своих «Очерках» на Энгельса ссылается весьма скупо (Шмидт, 1935, с. 32, 83, 92).

Изложенная в дискурсе названного автора схема социально-экономической истории населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века на многие годы (фактически до конца XX в.) становится основополагающей для подобных дискурсов. Их авторы, практически не ссылаясь на А.В. Шмидта, в своих работах воспроизводят те же самые положения, правда, на более широкой эмпирической основе.

В 1952 г. выходят в свет сразу две крупные работы видных советских археологов А.П. Смирнова и А.В. Збруевой, в которых интересующая нас тема исторической интерпретации материалов эпохи раннего железного века Урало-Поволжского региона рассматривается подробно. Причем если книга А.П. Смирнова воспринимается как дальнейшее развитие «Очерков» А.В. Шмидта⁵ (Смирнов, 1952, с. 61–110), то книга А.В. Збруевой уже в самом своем названии претендует как на нечто более фундаментальное (Збруева, 1952). Судя по всему, эти работы создавались независимо друг от друга, но практически на одной и той же эмпирической базе. Это те же Ананьинский, Зуевский, Луговской, Маклашеевский I, Котловский, Рёлка, Морквашинский, Скородум, Уфимский, Каракулинский могильники; Конецгорское селище, Гляденовское костыще, Пижемское, Усть-Нечкинское, Галкинское, Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Гроханьское, Свиногорское, Буйское, Ройский Шихан и др. городища.

Соответственно, и содержание социально-экономических дискурсов, составленных вышеуказанными авторами, практически совпадают, правда, различаясь в акцентах. **Хозяйство**⁶, по А.В. Збруевой: «... с самого начала ананьинской эпохи **земледелие** было не подсобным промыслом, не имевшим большого значения в хозяйстве, занятием женщин, а **одной из основных отраслей хозяйства**, делом мужского коллектива того или иного родового поселка. Земледелие было мотыжным, без применения сохи и без использования домашних животных... не скотоводство и не земледелие в отдельности были ведущими отраслями хозяйства ананьинцев,

а земледелие и скотоводство вместе взятые, причем земледелие, а не скотоводство определяло характер оседлости, выбор места для поселений. **Источником же существования племен являлось комплексное хозяйство** – земледелие, скотоводство, охота, рыболовство и собирательство» (Збруева, 1952, с. 48, 50); по А.П. Смирнову: «в настоящее время прекрасно выяснена **ведущая роль скотоводства**, развивающегося еще в предшествующую эпоху. Несомненно, было развито и мотыжное, **весьма примитивное земледелие**... Большую роль играла еще охота, хотя значение ее быстро шло на убыль» (Смирнов, 1952, с. 66).

Зато авторы едины во мнении о достаточно высоком уровне развития у «ананьинцев» цветной и черной металлургии, свидетельствующем о наличии у них общественного разделения труда (Смирнов, 1952, с. 66–67).

Общественный строй, по А.П. Смирнову: «... общественное разделение труда внутри общины нарушило, конечно, старые отношения в родовых группах. Этому содействовал и обмен с южными соседями, а военные столкновения с другими племенами, несомненно, привели к усилению роли вождя. Погребение вождя в ананьинском могильнике, **наличие богатых и бедных погребений** – все это достаточно ясно показывает, что род вступил в последнюю стадию своего существования. Начался распад родовых отношений» (Смирнов, 1952, с. 67); по А.В. Збруевой: «анализ погребального инвентаря ананьинских могильников позволяет говорить о **расслоении в обществе ананьинцев, что одинаково ярко выражено как в мужских, так и в женских погребениях**» (Збруева, 1952, с. 148).

Из сказанного следует, что эмпирика социальных реконструкций цитируемых авторов заключается в количественном и качественном анализе погребального инвентаря. И в данном случае здесь базовыми по-прежнему выступают Ананьинский и Зуевский могильники. Здесь также проводится группировка мужских и женских погребений по качественно-количественному составу погребального инвентаря⁷. На основании полученных результатов А.П. Смирнов (в противовес мнению А.В. Шмидта) делает вывод о сохранении социального значения женщины в условиях начавшегося патриархата (Смирнов, 1952, с. 68), а А.В. Збруева – о том, что имущественно-социальное расслоение ананьинского общества, прослеженное по мужским погребени-

ям, в равной степени отражается и в женских погребениях (Збруева, 1952, с. 159).

Хронологически А.П. Смирнов в своих «Очерках» идет дальше А.В. Шмидта и вслед за ананьинской культурой рассматривает и пьяноборскую культуру. Интересующий нас контекст обозначен автором однозначно: «Изучение материала пьяноборской культуры позволяет говорить о том, что она принадлежит тем племенам, которые населяли Прикамье в более раннюю – ананьинскую эпоху и **характеризует более позднюю стадию их истории**» (Смирнов, 1952, с. 69). А в историческом контексте, естественно, опирающемся на соответствующую эмпирическую базу – материалы Пьяноборских I и II, Нырғындынских I и II, Атамановы Кости, Вичмарского, Азелинского, Харинского, Качка могильников, Гляденовского костыща – уровень социально-экономического развития пьяноборских племен продолжал развитие форм хозяйства и общественных отношений, сформировавшихся ещё в ананьинскую эпоху. То есть в комплексном скотоводческо-земледельческо-охотничьем хозяйстве «пьяноборцев» ведущая роль по-прежнему принадлежит скотоводству, мотыжное земледелие играет подсобную роль, охота преимущественно пушная, ориентированная на обеспечение внешнего торгового обмена. В металлообработке сохраняются ананьинские производственные традиции. Одним словом, «по сравнению с предшествующим временем общий характер его (хозяйства – *авт.*) оставался тем же, но мощность хозяйства сильно возросла» (Смирнов, 1952, с. 104).

И, согласно марксистской схеме, «рост производительных сил вызвал и соответствующее углубление процесса распада первобытно-общинных отношений... Это же доказывается количеством и ценностью вещей, обнаруженных в некоторых могилах». А военная угроза со стороны сарматов могла послужить «толчком к созданию **союзов племен**, и такие союзы в Прикамье и Поволжье в первые века нашей эры действительно сложились. Доказательством этому служит широкое распространение одних и тех же частей костюма⁸ на значительной территории» (Смирнов, 1952, с. 109).

В 1957 г. выходит очередная монография А.П. Смирнова, на сей раз посвященная археологическим культурам Приуралья, бассейна р. Белой (Смирнов, 1957). Применительно к интересующему нас периоду автор основное свое внимание уделяет описанию и обоснов-

ванию выделения отдельной уфимской или кара-абызской культуры в среднем течении р. Белой, которую А.П. Смирнов трактует как локальный вариант ананьинской культуры. Этот тезис автора, как и высказанное им предположение о возможности выделения поздних кара-абызских памятников в один из вариантов пьяноборской культуры, сейчас уже относятся к области историографии, поэтому мы на них останавливаться не будем. Что же касается социально-экономической истории кара-абызских племен, то в этом вопросе А.П. Смирнов ничего нового по сравнению с носителями ананьинской и пьяноборской культур у «караабызцев» не обнаруживает. Находки костей животных на городищах Кара-Абыз и Курман-Тау не оставили у автора «сомнения в том, что скотоводство было основой хозяйства края». Земледелию у «караабызцев» автор отводит «большую роль», а охоте «какую-то важную». По находкам бронзовых литых украшений из Уфимского могильника и погребений с территории г. Уфы⁹ А.П. Смирнов делает вывод о «сравнительно высокой культуре металлургического производства» и о наличии своих мастеров («выделились кузнецы, литейщики, работавшие не только на свою общину, но и на соседние»), хотя и не столь искусных, как у «ананьинцев» (Смирнов, 1957, с. 36).

Общественные отношения у «караабызцев» А.П. Смирнов обозначает как **патриархальные, в которых «отдельная семья становится хозяйственной единицей, отношения всеобщего равенства в роде уходят в прошлое.** Материал немногочисленных могильников типа Уфимского свидетельствует об экономическом расслоении, которое закрепляется в сознании людей особым обрядом погребения знати». Применительно к рассматриваемой культуре, это воинские захоронения в Уфимском могильнике – дружинники, превращающиеся в обособленную социальную группу и владеющие большей частью военной добычи: «все это знаменовало зарождение отношений, которые в дальнейшем привели к **сложению классового общества**» (Смирнов, 1957, с. 37).

Естественно, схема социально-экономического развития населения Прикамья и Предуралья в эпоху раннего железного века, неоднократно воспроизведенная в академических дискурсах, определила содержание дискурсов научно-популярных. Поэтому в первой¹⁰ обобщающей научно-популярной книге О.Н. Бадера и В.А. Оборина, вышедшей в 1958 г. под

показательным названием «На заре истории Прикамья», каноническая схема социально-экономической истории населения региона в указанное время воспроизводится во всех её деталях. Хозяйство комплексное, основанное на подсечном земледелии¹¹, скотоводстве и охоте. У «ананьинцев» соотношение земледелия и скотоводства в хозяйстве варьировалось в зависимости от ландшафтного районирования: в Южном Прикамье, в зоне широколиственных лесов и луговых пойм роль скотоводства была преобладающей.

Четко определяется значение охоты на пушного зверя с целью добычи мехов, идущих на обмен. «Существенной частью производственной деятельности ананьинцев была очень развитая по тому времени металлургия».

Происходит переход от материнского рода к отцовскому, который завершился уже в пьяноборскую эпоху. Существенная роль женщины в общественной жизни обуславливалась значимостью женского труда в мотыжном земледелии, а проявлялась в наличии инвентаря в женских могилах, захоронениях детей именно с женщинами-матерями и находках глиняных статуэток – изображений женского божества – покровительницы домашнего очага (Бадер, Оборин, 1958, с. 99–105).

Гляденовская культура, сменившая ананьинскую в Среднем Прикамье, описывается авторами по материалам девяти костяк, которые интерпретируются ими как коллективные могильники с трупосожжениями (Смирнов, 1952, с. 114), и семи городищ и селищ. На основании этих материалов авторы рисуют типическую картину социально-экономического развития носителей гляденовской культуры: «Хозяйство гляденовских племен сохранило в основном те же формы, какие существовали в ананьинское время. Однако в связи с **появлением железного топора усиливается роль земледелия, которое окончательно переходит к подсеке как основной системе землепользования.** Железная мотыга и железный серп также способствовали увеличению продуктивности этой отрасли хозяйства... **Скотоводство продолжало развиваться, но гораздо медленнее земледелия...** Значительное место в хозяйстве занимала охота и рыбная ловля. Дальнейшее развитие получает пушная охота... Наряду с металлургией железа у гляденовцев продолжала развиваться металлургия меди и бронзы. Правда, орудия труда из меди и бронзы делаются очень редко. В основном медь

и бронза идут на производство украшений и мелких бытовых вещей» (Бадер, Оборин, 1958, с. 120–121).

Общественный строй племен гляденовской культуры развивается в сторону упрочения патриархата, чему способствовали развитие подсеки, скотоводства, пушной охоты и металлургии – сугубо мужские занятия (Бадер, Оборин, 1958, с. 123).

Социально-экономическую интерпретацию материалов пьяноборской культуры авторы проводят на основании той же самой эмпирики, что и их предшественники, для тех же самых культур Урало-Поволжья. Это орудия труда, результаты видового анализа остеологического материала, свидетельства металлургического производства, дифференциация погребений по составу погребального инвентаря – поэтому я ограничусь цитатой (хотя и пространной) из их резюме: **«Здесь можно уже уверенно говорить о победе патриархата. Экономической базой этой победы послужил подъем производительных сил за счет развития скотоводства и металлургии, давших возможность быстрее накапливать богатство в руках патриархальных семей и больше производить на обмен. Мужской труд использовался при выпасе скота и при его охране от набегов воинственных соседей. Мужчина стал хозяином больших стад. Роль женщины в хозяйстве свелась к домашним делам и воспитанию детей, что привело ее к подчиненному положению по отношению к главе семьи – мужчине. На Чегандинском могильнике богатые погребения зажиточных членов патриархального рода располагаются в центре, а погребения их бедных сородичей – с одной-двумя вещами в могиле – по краям. На самом краю могильника находятся погребения, в которых совсем нет вещей. Здесь люди похоронены по обряду, чуждому местным племенам... В этих могилах похоронены рабы, захваченные во время военных набегов на соседние племена»** (Бадер, Оборин, 1958, с. 134–135).

Таким образом, теория распада родового строя и перехода к раннеклассовым отношениям, изложенная Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», самым развернутым образом была проиллюстрирована эмпирикой археологических культур эпохи раннего железного века Урало-Поволжского региона.

Рост источниковой базы по археологии эпохи раннего железного века в Прикамье и

Приуралье в 1950–1960-е гг. (в основном за счет памятников пьяноборской и кара-абызской культур) ставил на повестку дня вопрос о более глубоком её изучении, в том числе и в контексте создания археолого-исторических дискурсов. Ибо историзм как один из основных методологических принципов советской археологии никто не отменял. И пьяноборская культура в представлении исследователей того времени давала благодатную почву для приложения этого принципа к конкретному материалу уже не в виде очерков, а в виде археолого-исторического дискурса (как это сделала А.В. Збруева).

Именно в это время на авансцену Урало-Поволжской археологии эпохи раннего железного века решительным шагом выходит молодой, по сравнению со своими предшественниками, археолог В.Ф. Генинг, один из учеников О.Н. Бадера¹², в 1958 г. защитивший кандидатскую диссертацию на тему «Пьяноборская культура на Средней Каме». А в 1962 г. на основе своей диссертации он публикует обширную статью, в которой излагает узловые на тот момент проблемы изучения этой культуры (Генинг, 1962).

И хотя основное внимание в статье было уделено полемике автора с А.П. Смирновым по поводу морфологических признаков и ареала распространения пьяноборской культуры, также были затронуты вопросы социально-экономического развития её носителей. Изученные автором материалы из 9 могильников (в общей сложности 350 погребений), 36 городищ и 57 селищ, по словам самого В.Ф. Генинга, **«впервые дают возможность более или менее обоснованно** поставить вопрос о хозяйстве пьяноборских племен» (Генинг, 1962, с. 27). Конечно, с позиций современной историографии такая формулировка звучит довольно категорично, но старшие предшественники В.Ф. Генинга в вопросе социально-экономической реконструкции эпохи раннего железного века в регионе к тому времени уже отошли от данной темы. А новые материалы, полученные автором статьи с могильников и поселений, исследованных им в низовьях р. Камы, дали ему основание внести некоторые коррективы в хозяйственную структуру племен эпохи раннего железного века региона. При том, что ведущими отраслями хозяйства пьяноборских племен В.Ф. Генинг также называет скотоводство и земледелие, а охоту и рыболовство – подспорьем, на первое место он ставит мотыжное земледелие, которое в природно-климатических условиях Прика-

мья оказывалось более продуктивным, нежели пастушеское скотоводство, ограниченное сезонными разливами рек: «трудности обеспечения скота кормами в зимнее время весьма ограничивало возможности расширения скотоводства, которое у пьяноборских племен фактически не выходило за рамки содержания домашних животных, то есть лишь необходимого минимума» (Генинг, 1962, с. 27).

Металлургия развивается и специализируется – медь и бронза идут на изготовление украшений, технология которых усложняется, а сами украшения становятся массовыми и стандартными.

Неразвитое скотоводство тормозило переход от матриархата к патриархату: «труд женщин находил свое применение также в охоте и рыбной ловле. В некоторых женских погребениях встречаются наконечники стрел.

Не исключено, как об этом свидетельствует ряд фактов из памятников послепьяноборского времени, что металлургия меди, связанная главным образом с производством украшений, находилась в руках женщин» (Генинг, 1962, с. 31).

Пьяноборские роды были небольшими по численности – 45–50 человек, но их было много, и они были сплочены «в такую организацию, которая обеспечивала постоянные мирные отношения между отдельными родовыми общинами. Такой организацией мог быть **постоянный союз этих племен**» (Генинг, 1962, с. 35).

Рассмотренная статья фактически представляла собой тезисы монографии «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху», увидевшей свет в 1970 г. Две главы указанной монографии называются, соответственно, «Хозяйство» (гл. 2) и «Общество» (гл. 3) (Генинг, 1970, с. 94–137). Сразу следует отметить, что по своей фактуре глава «Хозяйство» – это дискурс вокруг немногочисленных находок орудий земледельческого труда на пьяноборских поселениях и ландшафтно-климатических условий Нижнего Прикамья при тогдашнем низком уровне технологии кормозаготовок, исключавшем масштабное скотоводство: «в пьяноборское время при отсутствии такого орудия, как коса, заготовка кормов была, видимо, чрезвычайно трудоемким делом и на зиму невозможно было создать большие запасы его. Поэтому на зиму оставляли лишь необходимый для воспроизводства стада минимум его поголовья...» (Генинг, 1970, с. 95).

Черная металлургия продолжала развиваться (находки ям и горнов для варки железа на городище Чеганда II), но меднолитейное производство, причем из местного сырья, достигло большего развития: усложнялась технология изготовления и расширялся ассортимент медно-бронзовых украшений. Причем если железоделательное производство в силу своей трудоемкости являлось прерогативой мужчин, то меднолитейное, вероятнее всего, находилось в руках женщин (Генинг, 1970, с. 113). А поскольку, по мнению автора, во всех отраслях хозяйства пьяноборских племен женский труд применялся почти в равной мере с мужским, то «это, вероятно, обусловило то, что **патриархальные отношения в пьяноборскую эпоху не получили своего полного расцвета, и общественное положение женщины оставалось довольно высоким**». То есть, «в общественных отношениях чегандинского (пьяноборского – авт.) общества **при бесспорном господстве патриархальных отношений (? – авт.)** достаточно хорошо прослеживаются и сильные пережитки матриархата, что было обусловлено своеобразными местными условиями в развитии комплексного хозяйства, не дававшими большого преимущества ни какой-либо одной отрасли хозяйства, ни мужскому труду в основных сферах хозяйственной деятельности» (Генинг, 1970, с. 114–115).

Далее в виде пространного дискурса (хотя и не лишённого некоторой алогичности) В.Ф. Генинг на материалах могильника Чеганда II реконструирует пьяноборскую патриархальную семью. Внутри такой семьи, по его мнению, уже существовало имущественное расслоение, отразившееся в ассортименте погребального инвентаря (особенно в женских могилах)¹³ и планиграфии указанного могильника, и автор отмечает возможность «**наличия рабства, которое, правда, не имело широкого распространения и оставалось патриархальным, т. е. не представляло собой определенной системы и не играло значительной роли в производстве**» (Генинг, 1970, с. 125).

Выше было сказано, что, как считал В.Ф. Генинг, пьяноборские патриархальные семьи составляли небольшие роды по 40–50 человек, «которые, будучи генетически связанными с родами предшествующей ананьинской культурной общности, сложились в **четыре племенных союза** – чегандинский (пьяноборский – авт.), кара-абызский, гляденовский и осинский, «причем первые

два были наиболее крупными и многочисленными по населению. Образование постоянных племенных союзов было решающим шагом в переходе к новой культуре» (Генинг, 1970, с. 137), что «было первым шагом на пути сложения отдельных народностей...» (Генинг, 1970, с. 139).

Кара-абызский союз племен среди вероятных племенных объединений Прикамья и Предуралья в эпоху раннего железного века появляется не случайно: к концу 1960-х гг. выходит серия статей А.Х. Пшеничнюка, в которых автор обоснованно доказывает существование в I тыс. до н. э. в бассейне р. Белой самобытной кара-абызской культуры, не являющейся вариантом ни ананьинской, ни пьяноборской культур. И в своей монографической статье, опубликованной в 1973 г., автор, как и его предшественники, раскрывает историю «караабызцев» во всем доступном археологической эмпирике спектре её выражения. Естественно, что особый раздел своего исследования А.Х. Пшеничнюк посвящает характеристике хозяйства и общественного устройства «караабызцев».

Реконструкцию кара-абызского хозяйства автор проводит исходя из природно-географических условий ареала кара-абызских памятников, а также немногочисленных свидетельств хозяйственной деятельности носителей этой культуры, найденных на поселениях – Охлебнинском II, Биктимировском и т. н. «гафурийских» городищах. Общий вывод А.Х. Пшеничнюка: «разнообразии природных условий (наличие лесов, рек, широких пойменных долин и низких коренных террас, больших открытых участков), а также находки с поселений и могильников позволяют говорить о **ведении караабызскими племенами комплексного хозяйства, где главными отраслями были скотоводство и земледелие**» (Пшеничнюк, 1973, с. 210). В отличие от своих предшественников автор не выделяет какую-то приоритетную отрасль хозяйства, но отмечает, что, судя по остеологическим остаткам, в кара-абызском стаде преобладали животные, присущие кочевому или полукочевому скотоводству. Данное обстоятельство он относит на счет участия в генезисе кара-абызской культуры пришлого из Южного Зауралья «гафурийского» населения (Пшеничнюк, 1973, с. 212).

Кара-абызскую металлургию исследователь трактует в традиционном ключе: обилие металла в погребениях свидетельствует о высоком развитии металлургического дела

(что не удивительно для уральского населения), а многочисленность и стандартность изделий указывает на производство их в одном центре специалистами-ремесленниками, работающими на обмен (Пшеничнюк, 1973, с. 215).

Анализ материальной культуры кара-абызских могильников (Охлебнинский, Биктимировский I) приводит А.Х. Пшеничнюка к заключению о родовом характере общественного устройства «караабызцев», о наличии у них имущественного расслоения и о выраженной милитаризации мужской культуры, что было, по его мнению, обусловлено близким соседством воинственных кочевников-сарматов. А концентрация кара-абызских памятников в четырех микрорайонах по правобережью р. Белой указывает на сложение у «караабызцев» союза племен, что характерно для рассматриваемой эпохи (Пшеничнюк, 1973, с. 216–217).

Итак, к началу 1970-х гг. в археологии Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века сложился устойчивый стереотип (методологически выдержанный в соответствии с марксистской теорией общественно-экономических формаций) понимания социально-экономических процессов в регионе в рассматриваемый период. По форме это были недискуссионные (поскольку методологически выверенные) дискурсы, рисующие довольно монотонное абстрактно-поступательное восхождение племен эпохи раннего железного века региона от родового строя к раннеклассовому, до которого они так и не дошли. Но они полностью соответствовали пониманию историзма, господствовавшему тогда в советской археологии.

Отсутствие отработанной методики социально-исторических реконструкций в последующие годы привело к тому, что один и тот же исходный материал в интерпретации разных исследователей получал различные, зачастую противоположные толкования. В частности, по результатам сравнительно-статистического анализа погребальных комплексов пьяноборской и кара-абызской культур автор этих строк приходит к выводу о слабой социальной дифференциации этих обществ и о вероятности существования союзов племен только на уровне племени «пьяноборцев» и «караабызцев» (Иванов, 1984).

Несколько позже с альтернативным толкованием практически того же материала выступил Б.Б. Агеев, обнаруживший в пьяноборском обществе значительное имущественное

и социальное расслоение внутри большинства групп, оформленных в виде союза (конфедерации) племен, имеющих общее происхождение, язык, идеологию, территорию и находящихся на одном социально-экономическом уровне развития (Агеев, 1992, с. 86). И подобная ситуация может продолжаться до бесконечности.

Вытеснение марксизма из исторического познания и замена его постмодернистской (метаисторической) парадигмой изменили и сам принцип подхода современных исследователей эпохи раннего железного века Прикамско-Предуралья к проблеме социально-исторических реконструкций. Это либо оставление проблемы «за скобками» за счет расширения хозяйственно-экономического дискурса, значительно пополнившегося набором соответствующих артефактов¹³, либо

беспристрастные ссылки на высказанные точки зрения¹⁴ (История Удмуртии..., 2007, с. 140–152; 175–180).

Или – более оригинально – трактовка рассматриваемых археологических культур как «слабо дифференцированные эгалитарные общества» (История башкирского..., 2009, с. 221, 245).

Но вообще-то *эгалитаризм* – это порождение мелкобуржуазной морали, возникающей в обществе, обладающем **регулярным избыточным продуктом**, способном «обеспечить прожиточный уровень всех своих взрослых членов даже в том случае, если они трудились не в полную меру» (Семенов, 1992). А вот обладали ли общества «ананьинцев», «пьяноборцев» и «карабызцев» таким продуктом? Вопрос, остающийся пока без ответа.

Примечания:

¹ Нарратив – языковой акт, т.е. вербальное изложение, самодостаточное и самоценное, рассказ ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность (История философии..., 2002, с. 649).

² Дискурс это совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования (кто говорит, о чем говорит, с какой целью и для кого, какую лексику использует и т.д.), имманентная конкретной социальной, политической и культурной среде (Фуко, 2004; Филлипс, Харди, 2009; Тимошук, 2012).

³ Хотя в философском определении историзм – историческое сознание, т.е. сопровождающее всякое познание сознание того, что все является ставшим, даже духовное бытие (Философский..., 2005, с. 190).

⁴ Материалы Уфимского могильника, Уфимского (Чортова) и Кара-Абызского городищ (последнее А.В.Шмидт сам и исследовал в 1928 г.) задействованы им не были.

⁵ Она и называется соответственно.

⁶ Реконструкцию хозяйственной структуры носителей ананьинской культуры оба автора проводят по находкам (правда, немногочисленным) орудий труда и результатам анализа остеологического материала.

⁷ По материалам Ананьинского, Зуевского, Луговского и Котловского могильников А.В.Збруева выделяет семь групп мужских погребений и четыре женских (Збруева, 1952, с. 149-162).

⁸ Накосники, эполетообразные застёжки, височные подвески.

⁹ И так и оставшейся в единственном числе среди книг подобного жанра для региона Верхнего и Среднего Прикамья.

¹⁰ На это, по мнению авторов, указывают многочисленные находки топоров-кельтов и топография ананьинских поселений.

¹¹ Вместе с В.А.Обориным, Г.И.Матвеевой, Н.А.Мажитовым они под руководством О.Н.Бадера постигали азы археологической науки в Пермском (тогда Молотовском) университете.

¹² Автор выделяет пять групп погребений – от богатейших до беднейших (Генинг, 1970, с. 124).

¹³ Гл. 3. Население Удмуртии в раннем железном веке.

¹⁴ Гл. 4. Пьяноборская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.).

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.

Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 5–52.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984. 88 с.

- История башкирского народа в 7-и томах. Т. 1. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 395 с.
- История башкирского народа. Т. 2. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.
- История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. / Гл. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 2007. 304 с.
- История философии. Энциклопедия / Ред.-сост. Грицанов А.А. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
- Клейн Л.С. Историзм в археологии // Археологические вести. Вып. 2 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Гелла, 1993. С. 135-144.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 482 с.
- Пиеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа, 1973. С. 162–243.
- Рыбаков Б.А. Историзм археологии // КСИА. Вып. 152. М.: Наука, 1978. С. 5–7.
- Семенов Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 31–46.
- Смирнов А.А. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. №58. Отв ред. Н. Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 5–113.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.
- Тимошук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2012. Вып. 4 (12). С. 66–73.
- Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. 2009. Вып. 1. Т. 1. С. 49–64.
- Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2005. 576 с.
- Фуко Мишель. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
- Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Збруева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В. Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106 / Отв. ред. Л.: Изд. ГАИМК, 1935. С. 13–96.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanyuch@inbox.ru

REFERENCES

- Ageev, V. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Bader, O. N., Oborin, V. A. 1958. *Na zare istorii Prikam'ia (At the Dawn of History of the Kama Basin)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 4. Sverdlovsk, 5–52 (in Russian).
- Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
- Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region during the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Ivanov, V. A. 1984. *Vooruzhenie i voennoe delo finno-ugrov Priural'ia v epokhu rannego zheleza (I tys. do n.e. – pervaiia polovina I tys. n.e.) (Armament and Warfare of the Finno-Ugrians from the Cis-Urals in the Early Iron Age (1st Millennium B.C. – first half of 1st Millennium A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). 2009. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). 2012. *Istoriia bashkirskogo naroda (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 2. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ivanova, M. G. (ed.) 2007. *Istoriia Udmurtii: s drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: From Antiquity to the 15th c.)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

2002. In Gritsanov, A.A. (ed.). *Istoriya filosofii. Entsiklopediya (History of philosophy. Encyclopaedia)*. Minsk: "Interservis" Publ., "Knizhnyi Dom" Publ. (in Russian).

Klein, L. S. 1993. In Masson, V. M. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 2. Saint Petersburg: "Gella" Publ., 135–144 (in Russian).

Collingwood, R. G. 1980. *Ideia istorii. Avtobiografiia (The Idea of History. An Autobiography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Rybakov, B. A. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 152. Moscow: "Nauka" Publ., 5–7 (in Russian).

Semenov, Yu. I. 1992. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* 3, 31–46 (in Russian).

Smirnov, A. A. 1957. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of the Urals and Western Siberia ancient tribes)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5–113 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Timoshchuk, E. A. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofii. Psikhologiiia. Sotsiologiiia (Bulletin of the Perm University: Philosophy. Psychology. Sociology Series)*. 12 (4), 66–73 (in Russian).

Phillips, N., Hardy, S. 2009. In *Sovremennyy diskurs-analiz (Modern discourse analysis)* 1 (1), 49–64 (in Russian).

Gubskii, E. F., Korableva, G. V., Lutchenko, V. A. (eds.). 2005. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Philosophical Encyclopaedic Dictionary)*. Moscow: "INFRA" Publ. (in Russian).

Michel Foucault. 2004. *Arkheologiiia znaniia (Archaeology of knowledge. L'archeologie du Savoir)*. Saint Petersburg: "Gumanitarnaia kniga" publ. (in Russian).

Shmidt, A. V. 1935. In Bader, O. N., Voevodskii, M. V., Dmitriev, P. A., Zbrueva, A. V., Tretiakov, P. N., Shmidt, A. V. *Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR (From the history of the tribal society on the territory of the USSR)*. Series: *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)*. Vol. 106. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture, 13–96 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.